

Когда Алексей Степанович Громов собрался лететь в Мурманск, и командировку выхлопотал, и вещи уложил, оставалось лишь позвонить в агентство и заказать билет, он предложил дочери отправиться вдвоем.

Но Ленка отказалась наотрез.

– Папа, не могу, спасибо, конечно, – сказала она. – Мы с ребятами на все каникулы в поход собрались. Может, в другой раз как-нибудь...

И Громов не стал уговаривать её, не стал рассказывать о том, что давно собирался взять её с собой, ему так хотелось побывать в тех местах именно с ней. Громову казалось, что тогда установится с дочерью особый контакт, иная, помимо родственной, связь, необходимая, когда дети становятся взрослыми и отдаляются от отцов, а те мучительно переживают разрыв и ищут пути, по которым завязалась бы дружба, дружба на равных.

С некоторых пор Громов стал считать, что такая дружба могла бы возникнуть между ним и Ленкой в Мурманске. И не потому, что он воевал здесь четверть века назад и имеет право на дополнительное уважение своего дитя. Нет, Громов хотел, чтобы дочь увидела его восемнадцатилетним парнем, длинным и нескладным, в тесноватом комбинезоне, таким был он в сорок третьем году, когда впервые поднял свой «Ил» в боевой вылет над Варангерфиордом. Тогда он лишь на три года был старше теперешней Ленки, и поэтому ближе ей, понятнее, без малого ровесник, ведь девчонки взрослеют раньше.

Весна выдалась неровная. Оттепели сменялись морозами, стояли туманы, закручивала мокрая пурга, и вылететь Громову из Москвы удалось лишь на третий день. Долгое ожидание измучило его, хотя Громов провёл это время дома, справляясь у диспетчера о погоде. Но за эти часы он так много думал о предстоящей встрече с прошлым, так часто представлял первые минуты своего пребывания на кольской земле, что духовный подъем, тихая радость от близкого исполнения давней мечты сменились усталостью, равнодушием и всплывшим из глубины подсознания, пока ещё исполненным зачаточного свойства, желанием: «А не бросить ли эту затею?..»

Сплошная облачность тянулась по всему маршруту, и только незадолго до посадки с крыльев самолёта стали срывать серо-белые хлопья, и внизу проявились сопки.

Два часа полёта помогли Громову вернуться в то состояние, в котором он пребывал с того дня, когда убедился, что полетит, наконец, в Мурманск. Громов забыл о недавней нервозности, о двух днях звонков по телефону и тоскливых взглядов на заплаканные окна, куда стучалась теплая метель, закрывшая аэродромы северных и центральных районов страны, о приходящем в те дни страхе, что в научно-исследовательском институте, где он работал руководителем группы, узнают о погодном барьере, и их шеф, у которого семь пятниц на неделе, вдруг забьёт отбой и отменит не такую уж необходимую для их фирмы командировку.

Теперь уж ничто не могло вернуть в Москву идущий на посадку самолёт, и Громов заволновался. Сознание метнулось сквозь минувшие годы, Громов внутренне подобрался, попытался подвести итог прожитой жизни, будто у трапа его будет ждать командир полка, и Громов вытянется перед ним, приложит руку к сбитому на ухо шлемофону и доложит о вылете, длившемся четверть века. Но Громов тотчас слабо усмехнулся, отвернувшись от иллюминатора, потому как знал, что никто его не ждёт в порту, да и времени подвести итог тому, с чем летит он сюда, у него, Громова, уже не достанет.

Так он и сошёл по трапу, незаметно улыбаясь, не быстро и не медленно ступая по ступеням трапа, сбился с попутчиками в компанию, они взяли такси и поехали в Мурманск, по левому, если смотреть на выход в море, берегу залива, сначала в самый южный угол его, потом по восточному краю.

Ещё из Москвы Громов заказал место в гостинице и попросил таксиста остановить машину, едва увидел знакомые кварталы центра.

Центр почти не изменился, здания были прежними, только за корпусами не было уже барачков. Город разбежался в стороны и, подняв голову, Громов увидел, как громоздились на сопках зеленые, розовые и голубые дома, и та, единственная в годы войны, настоящая улица Мурманска стала наряднее, веселее, и полярное солнце, разогнавшее к полудню облака, прошивало разноцветное кружево из камня золотистой паутиной.

Не расспрашивая прохожих, Громов добрался до гостиницы «Арктика», со страхом глянул на сидевших в вестибюле людей, но заказ его быстро нашли, вежливо извинились, что не могут дать отдельный номер. Праздник Севера, спортсмены, мол, да иностранцы. Громов не спорил и через двадцать минут стоял в пустой комнате на шестерых и ждал, когда горничная сменит белье на его койке в левом углу.

«Вот и приехал, – подумал Громов, когда остался один и присел к столу, не раздеваясь, – надо идти...»

Но он не знал ещё, куда пойдёт, что будет делать, и если б спросить его, зачем он сюда стремился, то он не смог бы связно ответить. Конечно, у него есть задание из института, но решить этот вопрос можно и по телефону, не выезжая из Москвы. Нет, если бы не встреча с Андреем Басовым в позапрошлом году... Громов знал, что Андрей в Москве, но свидеться им не доводилось, всё дела, суета сует... Столкнулись случайно в метро, потом не расставались весь вечер, вспоминали всех ребят, что лежат в мёрзлой земле, или на дне Варангерфиорда.

– Ты знаешь, всем им в Сафонове памятники есть, – сказал Андрей, когда прощались. – Каждому...

Тогда вот и кольнула мысль Громова, что столько лет прошло, а он на могилку друга зимой не съездил... А может, не пришло в голову потому, что зримой могилки нету у Вани, может, потому... А теперь Андрей про памятники сказал.

«Поеду, – решил Громов, – отпуск возьму и поеду...»

Но подоспел отпуск, и Ленке купили пианино, у девочки способности, нельзя их за рывать в землю. Деньги на инструмент были отложены раньше, но их не хватало. Громов добавил из отпускных, и осталось только на прожитье. Он отправил жену на юг, а сам просидел в Опалихе на даче, ещё и работу со стороны взял. А когда зашёл разговор о следующем отпуске, жена взбунтовалась:

– Не видела я твоего Заполярья, туда людей за счёт государства возят, а мы свои кровные будем платить...

Но, слава Богу, всё это теперь позади, и Громов приехал повидаться с другом, хоть и пришлось это сделать за государственный счёт.

Он поднялся и вышел. Закрыл номер, отдал ключ и стал спускаться. Навстречу, весело галдя, шли хоккеисты в жёлтой форме, с большими буквами «СУОМИ» на спине.

«Финны, – подумал Громов, – гости...»

Он проводил их взглядом, рослых, светловолосых парней, и, с сочувствием посмотрев на тщетно ожидающих местечка, толкнул тяжёлую дверь.

Миновав почтамт, он повернул за угол и через сотню-вторую шагов поравнялся с кафе, которое называлось «Юность». Он решил, что нехудо заправиться и собраться с мыслями за столом, и уже стоял в фойе, готовясь снять пальто, когда вдруг услышал:

– Леша?! Какими судьбами?

Громов повернулся на голос и едва увидел подходившего человека, как ощутил нахлынувшую уверенность, что теперь ему сам чёрт не страшен.

Это был Скуратов. Московский писатель и журналист, бывший штурман дальнего плавания, человек, многое повидавший в жизни, умевший ладить с людьми и всюду чувствующий себя как дома. Он был моложе Громова, воевать ему не пришлось, но были они дружны. Скуратов особенно внимательно относился к бывшим фронтовикам и всегда сожалел о том, что не пришлось ему разделить их судьбу.

Он потащил едва успевшего раздеться Громова к своему столу, там сидели уже трое: один был местным газетчиком, а два других в морской форме – товарищи Скуратова по мореходке.

Громова заставили выпить, заказали ему бифштекс, и Громов, улучив минуту, спросил Скуратова:

– Рассказ свой видел?

– Где?

Громов назвал одну из центральных газет.

– Нет ещё, – ответил Скуратов. – Значит, дали...

Он произнёс эти слова так равнодушно, что Громов слегка обиделся: вот так, сообщил человеку, что его труд стал известен миллионам людей, а ему хоть бы что... Но обида не задержалась, Скуратов принялся расспрашивать Громова, как он здесь и зачем, Алексей Степанович сказал, что есть дела по службе, и потом добавил:

– И посмотреть хочу, как всё стало... Ведь воевал в этих краях...

Тут Скуратов перебил его, стал рассказывать ребятам, что Громов – морской лётчик, штурмовик, и вдруг замолчал, внимательно глянул на Громова, словно осенила его неожиданная мысль.

– Ладно, – сказал он, – помогу, если не возражаешь. За мной по журналистским делам и машина закреплена, можем всё объездить...

Громов вдруг почувствовал себя легко и свободно. Исчезли страхи, что ему придётся искать каких-то людей, кто разрешит ему побывать там, где служил когда-то, что придётся много раз объяснять незнакомым, зачем он здесь и что ему нужно, а это так трудно, ведь он и себе до конца не может это объяснить, а теперь рядом будет Скуратов, он всё о Громове знает, и вот теперь, когда неожиданно оборвал рассказ и предложил помощь, теперь Скуратов, наверное, понял его, и, может быть, лучше, чем понимает себя сам он, Алексей Степанович Громов.

...Машина поднялась на перевал, и далеко внизу Громов увидел сиреневую воду гавани.

– Вот и Ваенга, – сказал водитель. – По-новому называется Североморск.

На большой скорости он повёл серую «Волгу» вниз, и Громову почудилось на миг, что это он сам заходит на второй круг. Но ощущение было чересчур мимолётным. Оно легко отлетело прочь, и Громов подумал, что всё дело в том, что за штурвалом машины другой человек...

– Давай в газету завернём, – сказал Скуратов. – Расспросим, как и что, глядишь, найдём твоих однопольчан...

Громову и не думалось как-то, что кто-нибудь из его ребят продолжает служить, а теперь, когда стала реальной такая встреча, у него перехватило горло.

...Он загорелся над Тюва-губой, пытался сбить пламя, но ничего не вышло. Громов подтянул повыше, приказал стрелку прыгать, потом помедлил, отвёл машину так, чтоб не шарахнулась куда попало, и прыгнул сам.

Раскрыв парашют, он увидел, как Иван Земсков ходит над ним кругами, прикрывает на всякий случай. Громов следил за другом и рукой ему махнул, уходи, мол, не жги горячее, и только потом понял, что Иван беспокоился не зря: Громов опускался в море.

Потом он узнал, что в такой воде человек выдерживает минут двадцать, ну, полчас от силы. А его вытянули моряки-торпедники через час с лишним. Едва Громов ока-

зался на палубе, поднесли ему кружку со спиртом. Алексей Степанович не мог и рукой шевельнуть, закопечен, но рот раскрыл, и один морячина спирт ему туда и втиснул. Потом грели Громова шерстяным одеялом и передали медикам уже малость ожившим, только вот от спирта – не в то горло, видно, попало, – не разговаривал Громов с неделю.

Когда вернулся в полк, Иван Земсков предложил отметить «морское крещение» дру-га. Лётчики собрались в их блиндаже, выбитом в подножье сопки, заставили снарядный ящик, служивший столом, банками с тушёной, а уж о выпивке позаботился хозяин.

Громов и Земсков учились вместе, вместе и прибыли в Заполярье. В школе они были в разных группах, здоровались, и только. Громов был у Земскова ведомым, да и не только в воздухе. Так уж случилось, что и на земле Иван вёл Громова за собой... Может, от от-ца-учителя унаследовал он свойство опекать ближнего, а может, и потому, что был двумя годами старше. В том возрасте это многое значит...

Первую, как водится, выпили за победу, потом за ребят, которым уже не доведётся её увидеть.

Симкин разлил снова и стал сокрушаться, что вот, мол, как скучно отмечают они такой день...

– Сейчас бы шампанского, цветов, девушек, музыки! – воскликнул он. – Чтоб люстры горели, и пол был паркетный...

– Ишь ты, чего ему надо, – проворчал Валя Архипов. – А у нас в деревне и слов таких не знают... Паркет, люстры... А сарай с земляным полом не хочешь? У нас в Лопухах клуб в таком сарае... Вы, городские, с жиру беситесь...

– А ты что, сельский, что ли?! – вспылil Симкин. – Ты – лётчик, значит, теперь – ин-теллигент. Понял?

– Ладно, ладно, парни, – остановил их Сергей Корольков. – Лучше выпьем...

– Вот фрицев разобьём, тогда и на нашей улице будет праздник, – сказал Андрей Басов.

– Нет. – Иван Земсков отставил кружку со спиртом, она скользнула к краю снаря-дного ящика и упала бы, если б Громов не подхватил её. – Нет, – повторил Иван. – Я не согласен с тобой, Андрей. Разбить фашистов – это ещё не всё, настоящего праздника от этого не будет. Мы воюем не только ради того, чтоб покончить с Гитлером, хотя это и са-мая зримая наша цель. Но этого мне мало, понимаешь... Надо не только уничтожить врага, но в этой битве мы сражаемся и за то, чтобы свой собственный мир сделать другим, более возвышенным, чистым и благородным. Дело не только в том, чтоб мы вышли из войны победителями. Нужно победить в себе то, что может помешать нам строить новую жизнь после военной победы... За это я и выпью.

Он взял из рук Громова свою кружку, тот так и держал её, залпом выпил, запил глот-ком воды из котелка и принялся скручивать сигарку.

– Загибашь ты, Ванюха, – сказал Андрей. – А я так считаю: победили – гуляй напро-палую, заслужили, значит. Новая жизнь, она после победы и так наступит...

– Может быть, Андрияша, может быть, – ответил Земсков. – Давайте споём, парни...

...Полк морской авиации получил приказ вылететь для бомбардировки немецкого каравана, когда часть транспортов под усиленным конвоем уже втянулась в Варангерфиорд. Остальные корабли были неподалёку от фиорда, уже в зоне обстрела вражеских береговых батарей, которые могли бы поддержать огнём конвойные суда.

Это усложняло действия штурмовиков. В первый же заход подбили самолёт Симкина, и Симкин потянул в сторону Рыбачьего, чтоб выброситься там на парашюте.

Громов работал в паре с Земсковым. Уже горели два транспорта и танкер, когда Громов увидел в узком заливе, совсем неприметном с воздуха – его прикрывала сопка, – притаившийся большой транспорт.

– Ваня! – крикнул он. – Посмотри вправо! Видишь?

– Вижу, Леша... Иди за мной, только приотстань...

Земсков отвалил вправо и вышел на боевой курс. Теперь было видно, что к транспорту жмутся три катера из конвоя.

– Держись в стороне! – крикнул Земсков. – Следи за воздухом! Попробую один...

«Ил-второй» слегка наклонил корпус и ринулся на неподвижный транспорт. Навстречу ему потянулись трассы пулёмётных очередей, словно клочья ваты, возникли на его пути взрывы зенитных снарядов. Транспорт дал ход и двинулся вперёд, потом положил руль вправо и стал поперек залива.

«Две машину у него, – подумал Громов, – лихо развернулся...»

Штурмовик пронёсся над пароходом, и его бомбы упали там, где только что был нос транспорта...

Земсков возвращался и снова заходил на боевой курс.

«А ведь он пустой, – подумал вдруг Громов, – куда он лезет без боекомплекта...»

– Ваня! – крикнул он. – Прикрывай, теперь я...

– Уйди, – донёсся далёкий голос Земскова, – уйди, Лёшка... Колю убили, стрелка... Покажу им! Сволочи...

– Ты ранен, Ваня! Выходи, выходи из боя! – закричал Громов.

Земсков не ответил. Он снова ринулся на транспорт, и снова навстречу полетела смерть. В шлемофоне Громова слышались хриплые звуки, неясные слова, он снова позвал Земскова, но тот не отвечал. Из левой плоскости его «Ила» вырвался и потянулся шлейфом коричневый дым, машина продолжала мчаться на маневрирующий транспорт... Громов выходил на боевой курс и готовился пойти вслед за другом и ждал, что вот-вот, отвернёт Земсков в сторону и рухнет в воду, но штурмовик, словно замороженный, летел и летел, дым стлался за ним, и вдруг в хрипевшем шлемофоне Громова зазвенел голос Ивана:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

«Ил-второй» подвернул к ускользавшему транспорту и ударил его своим телом в среднюю надстройку.

...Молодённый лейтенант не торопясь поднялся за стеклянной перегородкой и открыл окошко.

– По какому вопросу, гражданин?

– Видите ли, – начал Громов, – нам сказали... Подполковник Симкин... Я служил...

Скуратов выступил вперёд.

– В редакции газеты нам сказали, что в вашей части служит подполковник Симкин.

Он однополчанин этого товарища. В годы войны они вместе воевали здесь. Попрошу связаться с подполковником и спросить, не может ли он встретиться с нами...

Дежурный узнал у Громова его фамилию и повернулся к телефону. Часовой у входа с любопытством смотрел на двух штатских. Скуратов шагнул к перегородке.

– Товарищ подполковник, – услышали они, – говорит дежурный по части лейтенант Богданов! Вас тут спрашивают... Фамилия? Громов его фамилия... Да какой-то запасник, товарищ подполковник советует обратиться к нему...

Громов медленно повернулся и, сторбившись, пошёл к двери.

– Куда же вы, гражданин! – крикнул дежурный. – Я вас Блинову сейчас...

– Эх ты, Блинов, – тихо сказал Скуратов оторопевшему лейтенанту и бросился за

Громовым следом.

«Волга» стояла у подъезда, но Громов повернул налево, и Скуратов подумал, что пусть побудет один, он подождёт его в машине.

А Громов миновал здание штаба и шёл по разметенной от снег аллее, шёл, не поднимая глаз, а когда поднял их, то увидел, что на него смотрит замкомэска Валентин Архипов.

– Здравствуй, Валя, – прошептал Громов. – Далеко ты от своих Лопухов забрался...

Клуб-то, поди, построили там, только сплясать тебе уже не придётся...»

– Мне всегда не везло, – проворчал Валентин. – Но чёрт с ними, с танцами, зато я с ребятами вместе... Узнаёшь их?

– Здравствуй, Леха! Здорово, Громов! – заговорили парни, и тогда он увидел Серегу Королькова, Петра Бирюкова и Куприкова Колю. Они так и стояли вместе в Аллее Героев, ребята из того боя...

Он потерял четвёртого стрелка в тот налёт на Киркенесский порт. Громов вышел из атаки, круто метнулся над Варангерфиордом, осматриваясь и выглядывая товарищей. Он увидел, что вторая эскадрилья заходит снова на Киркенес, и тут на него сели два «мессера». Громов с великим трудом вывернул от них у самой воды. Его коронный номер – прижиматься вниз, когда чувствуешь себя слабее, к земле или воде, не всякий лётчик рискнёт за тобою гнаться. Громов прижался к воде, но пулёмётная очередь догнала машину, уложив стрелка наповал. Так он и довёз его, уже остывшим...

Потом была одна из зловещих картин, застрявших в памяти Громова. Они отбомбились, потеряли две машины, он припоминает, что был это их замкомэска Валя Архипов и новенький лётчик, лейтенант с Балтики, его фамилию Громов запомнил... Обе

эскадрильи возвращались на базу, и Громов шёл предпоследним. И вдруг безо всякой причины отвалил идущий слева Коля Куприков. «Ил-второй» вильнул вниз, и целая на вид машина, с работающим двигателем, нырнула в залив.

Командир эскадрильи успел крикнуть: «Куда ты, Коля?! – и тут выпал из строя головной самолёт Бирюкова. Залив был уже позади, и Пётр ударился в сопки. Его стрелок успел вывалиться за борт, но парашют не раскрылся, и стрелка нашли на вершине утром другого дня.

И у самого аэродрома пошёл вниз третий «Ил», Сереги Королькова. Это было страшно – видеть, как в спокойном небе, в небе без зенитных разрывов и снующих истребителей врага, вдруг один за другим падают самолёты друзей...

Был крупный скандал, подозревали разное, osobисты крутились в полку. А потом всё разъяснил приехавший из Мурманска полковник-врач. Ребята, сказал он, были уже мертвы, но вели машины на последних остатках воли.

Смертельно раненые, в бою они держались на нечеловеческом напряжении, остервенении, что ли, и вывели машины из атаки, поставив их в строй идущих на базу друзей. Они изо всех сил отгоняли смерть, но напряжение спадало, смерть снова приходила в кабины, снимала их руки со штурвалов, и тогда они умирали во второй раз...

– Я рад, что вы здесь, ребята, – сказал Громов и вдруг понял, как двусмысленно звучат его слова. – Нет, не то, что вы... А вот вместе...

– Ладно, Громов, – перебил его Валя Архипов, – мы понимаем тебя... Теперь мы много понимаем. Ты о себе лучше скажи.

– О себе... Живу, ребята, работаю, дочка есть. Вот и всё. Звёзд с неба не хватаю...

– Не хватаешь, значит? А ведь когда-то хватали... Помнишь, что Ваня Земсков говорил?

– Помню, – ответил Громов и хотел Архипова спросить, но тот сказал, перебив:

– Дальше пройди, он с того краю. Ждёт тебя, Громов...

И Громов двинулся сквозь строй боевых друзей, они смотрели ему вслед каменными глазами, Громов замедлял шаги и вот остановился перед Земсковым.

– Это я, Иван, – прошептал он, едва шевеля губами, – прости, что так долго шёл к тебе...

– Пустое, Алёша, не терзай себя. Ты ведь жил, а жить иногда труднее, чем красиво умереть. И не слушай ты Вальку Архипова, он всегда был ворчуном...

– Как тебе здесь, Иван?

– По-всякому бывает, Алексей. К нам приходят разные люди. С одними – хорошо, других я не пускал бы сюда... А раз они есть, такие, значит, не всё ещё гладко у вас... Так ведь, Алексей?

– Сразу не объяснишь, Иван...

– Понимаю... Тогда нам всё казалось более простым. Разобьём Гитлера, и наступит рай... Значит, вам и сейчас приходится трудно. Но вы не сдавайтесь! Слышишь, Громов, не

сдавайтесь! Мы все, которых нет с вами, будем следить за вашей жизнью отсюда. Помните об этом... А теперь иди, Алексей, твое место среди живых...

– Прощай, Ваня, – сказал Громов и пошёл по Аллее Героев к машине, где ждал его Скуратов.

...Вечером Громов и Скуратов сидели в мурманском ресторане «Дары моря» и молчали.

Играл оркестр. Ресторан был полон. Рыбаки с нашивками на плечах, немного ребят в гражданской одежде, морские и армейские офицеры и совсем мало женщин.

– По просьбе наших гостей – моряков БМРТ-244, вернувшихся с Лабрадора, исполняется песня «Штрафные батальоны!» – выкрикнул в микрофон ударник.

– Сколько раз тебя сбивали, Алексей? – спросил Скуратов.

– Шесть, – сказал Громов. – Мне везло...

– А этот твой Симкин...

Скуратов с силой поставил поднятую было рюмку, ножка у неё сломалась, и водка выплеснулась на скатерть.

– Брось, – сказал Громов, – ну чего ты... Он просто не понял, что это я, фамилию забыл. И его сбивали, Симкина...

– Всё равно, – ответил Скуратов, – не могу этого понять...

Он подозвал официантку, попросил заменить рюмку.

– Посмотри вокруг, – заговорил Громов, – кругом столько офицеров, и ни у кого почти, даже у майоров, нет боевых наград, одни юбилейные медали. Молодеет армия...

Он хотел добавить ещё, что и они бы, Громовы, могли пригодиться, а впрочем, с запаса его и не сняли, вдруг вспомнил слова «запасник какой-то» и потянулся к графину.

– Завтра уеду, – сказал он.

Утром они позавтракали в буфете, сели в «Волгу» и стали выбираться из города. Промелькнули внизу причалы рыбацкого порта, заставленные кораблями, осталась позади судоверфь, потом Кола-город и мост через Колу-реку. Пошёл малообжитый левый берег залива, ещё немного – и машина повернула в сторону, в сопки.

Громов сидел со Скуратовым на заднем сиденье, пытался осмыслить всё увиденное в Мурманске и Североморске, но это ему не удавалось... Сознание вдруг переносило его на двадцать пять лет назад, в те самые дни, из-за которых он и приехал сюда. Громов решил, что всё уляжется не сразу и только через какое-то время он поймёт, что вынес из встречи с прошлым, вспомнил Москву, институт, где ждали отчёта по командировке, и Ленку.

– Дочке ничего не купил, – сказал он, повернувшись к Скуратову. – Подарок какой...

Скуратов промолчал. Он смотрел в сторону, на щедро разбросанные сопки, покрытые чернеющими среди снега валунами и карликовой берёзкой.

– Останови машину, Валентин, – сказал вдруг Громов.

Когда Громов вышел из машины, Скуратов, недоумевая, вылез следом, достал сигареты, молчал.

Ярко светило солнце. Весенний снег покрывал сопки. Скуратов повёл глазами, закурил и зажмурился от слепящей белизны вокруг.

А Громов шагнул с дороги и провалился по пояс в снег. С трудом вытаскивая ноги, он двинулся к торчащим из-под снега берёзкам и скоро уже вспотел, стал задыхаться, но продолжал двигаться по пояс в снегу.

Наконец, Громов, стоял у деревца с тонкими прутиками и, всё ещё тяжело дыша, протянул руку, чтоб отломить ветку.

Берёзка не поддаваясь. Понадобилось усилие, чтоб справиться с нею, и, когда Громов одолел дерево, он вспомнил вдруг, как вот так же сопротивлялись тщедушные берёзы на склонах сопок, когда он карабкался по ним, цепляясь руками, чтоб не упасть, и молился, чтоб ветки не обломились...

Его сбили за сто двадцать километров от базы, он снова потерял стрелка и двинулся через горы с плиткой шоколада в кармане и пистолетом «ТТ».

Волки увязались за Громовым на второй день. По глушости он начал сразу стрелять, уложил одного зверя и спохватился, когда в обойме осталось три патрона. На четвёртый день волки пошли в атаку, и, двумя выстрелами свалив матёрого самца, Громов отогнал их. Стая оставил его в покое, чтоб через сутки вновь возникнуть за спиной.

Громов больше не стрелял. Спустив предохранитель, он сунул пистолет за пазуху изодранного комбинезона и думал лишь о том, чтоб хватило сил нажать спусковой крючок, когда он упадёт, и волки бросятся к нему.

Так он и шёл, сопровождаемый волчьим конвоем и храня для себя последнюю пулю в пистолете. И теперь, когда он возвращался к дороге, он увидел себя, молодого парня, с рыжим пушком на обмороженном подбородке, нескладного в тёмном, не по росту, меховом комбинезоне, и Громов опустился в снег, сжимая рукой ветку берёзы, судорожно задргал плечами и беспомощно, неумело зарыдал...

...Рейс начался вовремя. Громов сидел в кресле, закрыв глаза, и старался ни о чём не думать.

Через два часа самолёт качнулся и пошёл вниз. Не так круто, как ходили когда-то они, но Громову вдруг показалось, будто он снова в кабине «Ила-второго».

Алексей Степанович сжал рукой подлокотник кресла и в который раз услышал голос Ивана Земскова:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

...А ветка кольской берёзы у Громова в квартире выбросила листочки на третий день.